

Марина Ветрова ✦ Камила Левитан

Игрушка
жестоккого Мажора.

Ты унизил меня перед всеми,
но теперь весь зал смеётся над тобой!

Марина Ветрова

**Игрушка жестокого мажора.
Ты унизил меня перед всеми, но
теперь весь зал смеётся над тобой!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Игрушка жестокого мажора. Ты унизил меня перед всеми, но теперь весь зал смеётся над тобой! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Алиса Ветрова мечтала покорить сцену и заставить зал смеяться. Вместо аплодисментов она получила публичное унижение от Марка — влиятельного режиссёра, чей отец распоряжается судьбами студентов. Один провал лишает девушку гранта, жилья и будущего. Марк уверен: сломленная провинциалка вернётся и станет послушной. Но Алиса находит собственный голос там, куда богачи даже не заглядывают. Её честные, дерзкие монологи превращают боль в смех, а унижение — в успех. Пока Марк пытается вернуть контроль, рядом оказывается Игорь, готовый поддержать её без условий. Сумеет ли Алиса выступить перед всеми, раскрыть правду, навсегда выйти из чужой золотой клетки и выбрать любовь, в которой не придётся молчать?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марина Ветрова, Камила Левитан

Игрушка жестокого мажора.

Ты унизил меня перед всеми, но теперь весь зал смеётся над тобой!

Глава 1

Лак с декорации забился под ноготь. Я тёрла его большим пальцем, пока не заболела кожа: если занять руки, может, перестанут трястись. За занавесом уже ждали мой выход, а первая шутка опять вылетела из головы. Только бы не упасть в обморок. Хотя номер получился бы короткий, без провисаний. Карточки выскользнули и рассыпались у тувель. Вот и тезисы закончились. Чёрт. Чёрт-чёрт-чёрт.

— Не смейся над моим стилем, детка, — голос Вероники прозвучал прямо над ухом. Она не толкнула меня сильно, просто коснулась плечом, давая понять: ты здесь лишняя. — Ты слишком грубая для этого зала. Провинция не умеет быть элегантноу.

Я подняла голову, пытаюсь поймать её взгляд и вернуть должок колкостью, но горло перехватило спазмом. Голос сорвался на шепот. Вероника демонстративно поправила идеально уложенную блондинистую прядь, не удостоив меня больше ни секунды внимания. Она смотрела поверх моей головы. До выхода я ещё могла бы придумать ответ — если бы сумела вдохнуть.

Марк стоял за пультом. При нём даже старшекурсники проверяли, выключены ли телефоны, — мне сейчас было не до попыток спорить. Он посмотрел на карточки у моих ног, потом в лицо. Я ждала хотя бы кивка: мол, бывает, выходи. Получила короткое движение подбородком в сторону сцены. Нагнуться за карточками уже значило заставить его ждать.

Пальцы скользили по микрофону. В свете софитов я перестала различать лица и смотрела туда, где должны были находиться глаза первого ряда. Вдруг там кто-нибудь улыбнётся? С такой маленькой опоры я могла бы начать.

— Знаете, в общаге на третьем этаже... — начала я.

Тишина. Не уважительная, а скучающая. Кто-то на последнем ряду зевнул.

Все вечера, когда я вычёркивала из номера неудобное, оказались напрасными. Слишком мягко. На последнем ряду снова открыли рот; я торопилась закончить фразу, прежде чем человек успеет зевнуть.

— ...где декан любит считать чужие грехи, потому что своих не хватает на полку! — выкрикнула я, импровизируя на ходу.

Нервный смешок прошёл по рядам. Слабо. Жалко. Я чувствовала, как теряю нить, как слова превращаются в кашу. И тут тишина стала оглушающей. Не моей паузой для эффекта. Мёртвой тишиной отключения звука.

Марк вышел на сцену. Я всё ещё сжимала микрофон: вдруг он попросит повторить шутку, даст договорить? Он потянул его к себе, и пришлось разжать пальцы. У пульта щёлкнул переключатель: ему звук вернули сразу.

— Это было не смешно, — его голос заполнил зал, ровный и бесстрастный. — Это было жалко. Вы слышите разницу?

Теперь я различала каждый смешок. Тот, за которым вышла сюда, не звучал; слышался другой, короткий, в закрытый рот. Уши горели. Даже уйти не получалось: пока Марк говорил, поворот спиной выглядел бы ещё одной выходкой. Я стояла и не знала, куда деть пустую руку.

Вероника уже стояла рядом. Ей Марк отдал микрофон без паузы. Тридцати секунд хватило, чтобы зал захохотал, и я невольно отметила, где она выдержала тишину, где добила последним словом. Чёрт, хорошо. Если бы только мне не приходилось слушать это с края её сцены. Когда аплодисменты стихли, она повернулась ко мне.

— Бывает, дорогая, — её тон был мягче бархата, но острым, как скальпель. — Просто твой опыт... слишком узкий для широкой аудитории. Не стоит ломать комедию там, где нужен трагизм.

В туалете я наклонилась над раковиной. Тушь размазывалась, сколько ни вытирай; в зеркале под глазами получались две злые чёрные скобки. Совсем другой номер, Алиса. Можно выйти и пугать детей.

Дверь открылась. Марк. Без стука.

Я ждала, что он хотя бы остановится у двери. Марк прошёл дальше, и я отодвинулась, оставляя между нами раковину.

— Пустое место, — сказал он сухо. — Нет боли. Нет правды. Только желание нравиться. Это убивает любой юмор.

Но я видела не торжество садиста. Я видела напряжение в его челюсти. Снова проверка? Он смотрел на меня, пока я пыталась вытереть щёки ладонью, и не отвёл глаз. От этого хотелось спрятать даже руки.

Марк бросил на раковину мою связку — ключ от комнаты и магнитный брелок от общежития. Я оставила её у пульта вместе с телефоном, чтобы карманы не оттопыривались на сцене. Звякнул металл. Следом он положил мой телефон.

— У тебя есть час, чтобы собрать вещи. Твоё поведение нарушает устав. Ты больше не живешь здесь. Грант снят.

— Ты режиссёр. Ты не комендант, — выдавила я.

— Зато отец — председатель комиссии. Приказ уже у коменданта. Хочешь поспорить — сходи и прочитай.

Я забрала ключи и телефон. Холодный брелок лип к мокрой ладони; хотелось швырнуть его в Марка. Но сначала мне нужно было попасть в свою комнату.

Через час рюкзак не застёгивался: между учебниками торчала штанина джинсов. Я запихнула её поглубже и вышла из общежития. Из актового зала долетел смех, потом ещё — там шёл следующий номер. До моего уже забытого номера никому не было дела. Ремень давил на плечо. Я дёрнула его и пошла к деканату выяснять, как забрать остальное.

Бланк заявления отсырел у меня в ладонях. Я расправляла его на краю стола секретарши, стараясь не задеть клавиатуру. Нужно было спросить про вещи, про депозит, получить справку — в таком порядке. Если начать с денег, она решит, что я явилась торговаться. Если с выселения — снова придётся рассказывать про сцену.

— Алиса Ветрова? — женщина даже не подняла глаз от монитора. Её голос был плоским, как линолеум под ногами.

— Да. Мне нужно забрать коробку из общежития. И деньги за депозит.

Она медленно повернулась. На её лице читалась та же скука, что и на портрете ректора над сейфом.

— Приказ подписан деканом Сергеем Павловичем. Марк Сергеевич принёс его пять минут назад. Ваши вещи уже вывезены. Курьер отнёс их в контейнер у главных ворот. Депозит... заморожен до выяснения обстоятельств инцидента.

В контейнер отправили не только футболки. В коробке был блокнот, куда я записывала чужие оговорки и мамины телефонные монологи. Их очень удобно превращать в номера, если мама далеко. Я прижала бланк к столу сильнее. Секретарша ждала, когда я отойду, чтобы заняться следующим делом.

Из деканата я вернулась в общежитие: вдруг в комнате осталось хоть что-нибудь. Стена давила на плечи. Третий этаж. Знакомый запах лака для волос и дешёвого парфюма. Навстречу вышла Вероника. От стаканчика пахнуло карамелью; перед выступлениями я покупала такой же раф и всегда обжигалась, торопясь допить. Сейчас захотелось унести рюкзак подальше от её рук ещё до того, как она улыбнулась.

Наши взгляды встретились. Она улыбнулась. Той самой улыбкой, от которой хочется разбить ей нос.

— Ой, прости! — воскликнула она театрально громко, и толпа студентов замерла.

Кофе полетел вниз. Прямо в мой единственный рюкзак, который я успела схватить до того, как охрана изъяла остальное. Коричневая жижа пропитала ткань, растекаясь по учебникам и блокнотам с шутками. Моими шутками.

— Ты сделала это специально, — прошептала я. Горло свело спазмом.

— Я неловкая, милая, — она протянула руку, чтобы «помочь» собрать мокрый хлам. — Как ты там? Не переживай, мы все знаем, что ты... немного нестабильна после сцены.

«Нестабильна» — Марк говорил это уже два года. Стоило мне возразить, повысить голос, не рассмеяться в нужном месте. Теперь Вероника повторяла за ним, а мой блокнот впитывал её кофе. На странице растеклась шутка, над которой я сидела весь вечер.

Я ударила её плечом. Жёстко, в ключицу. Вероника качнулась, но не упала. Она лишь вскинула брови, ожидая реакции.

— Ты жалкая кукла, — рыкнула я, чувствуя, как горят уши от стыда и злости. — Тебе скучно быть идеальной, поэтому ты играешь в садиста.

Тишина длилась секунду. Потом кто-то хмыкнул. Потом зашуршали телефоны.

— Агрессивная истеричка, — услышала я шёпот за спиной.

Они не видели провокации. Они видели только то, что им показали: безумную неудачницу, набросившуюся на дочь ректора. На экранах остался мой толчок. Кофе на рюкзаке никто уже не снимал.

— Покиньте территорию немедленно! — грубый голос охранника резанул по нервам. Двое мужчин в форме уже шли ко мне.

— Это была самооборона! Она разлила кофе нарочно! — кричала я, отступая.

Парни из курса Марка смеялись на лестнице. Я попробовала найти среди них того, кто видел стаканчик, — хоть одного. Но все смотрели на охранников и меня: вот это было интереснее кофе.

Меня буквально вынесли за дверь. Толкнули на мокрый асфальт, и мой рюкзак шлёпнулся в лужу рядом с моим лицом. Дверь захлопнулась с глухим звуком, отрезав меня от мира искусства навсегда.

Глава 2

Лавочка у метро была холодной. Сквозь тонкую куртку пробирал озноб, но голод был сильнее холода. Телефон умер ещё час назад. До отключения от родителей не пришло ни сообщения. Я уже слышала мамино «опозорила фамилию» и не решалась набрать её сама.

Я сидела, глядя на свои грязные руки. Под ногтями — чернота. Мусорный бак у академии дал мне понять, где моё место.

— Эй. Красавица.

Голос был вязким, сладким. Передо мной вырос силуэт мужчины в дорогой кожаной куртке. Пахло перегаром и сигаретами.

— Выглядишь так, будто потеряла всё. У меня есть работа. Быстрые деньги. Наличные. Прямо сейчас.

Он кивнул на чёрный внедорожник, припаркованный у бордюра.

Он уже повернулся к машине, ещё не получив ответа. Будто я должна была встать и пойти следом. Я глубже засунула ладони под лямки рюкзака. Вопросы, что я умею, он так и не задал.

— Нет, — сказала я тихо.

Он усмехнулся, сплюнул жвачку на тротуар и сел обратно в машину. Стекло поднялось, отрезав меня от возможного спасения. Или ловушки.

Внедорожник отъехал, а я ещё смотрела вслед. Наличные прямо сейчас — прекрасно звучит, если выкинуть из этой фразы мужчину с перегаром. Я подтянула рюкзак на лавочку, прижала к бедру. От мокрых учебников холодило ногу. Нужно поесть, зарядить телефон. Потом можно думать про жизнь; пока хватит ближайшего часа.

Я поднялась с лавочки, когда спина окончательно онемела от холода. Рюкзак с мокрыми учебниками тянул плечо вниз, а в животе было пусто с самого утра. Зарядить телефон было негде, просить — не у кого: ни одна знакомая дверь в этом городе теперь не откроется. Остался один ключ на связке, который система пока не заблокировала, и одно место, где я ещё могла появиться незамеченной.

Желудок сводило судорогами так, что темнело в глазах. Голод затуманивал разум, превращая его в простую схему: найти еду. Любую.

Я обошла здание академии со стороны служебного входа. Ключ от общежития всё ещё висел у меня на связке — магнитный ключ, подходивший и к служебному входу. Пока система не заблокировала его полностью, я могла войти внутрь.

Столовая гудела от пара и запаха жареного мяса. Я проскользнула в кухню, прячась за стеллажами с кастрюлями. Повариха, тётка с красными от работы руками, перемешивала суп.

— Здравствуйте, — выдавила я, стараясь говорить уверенно. — Я студентка. Можно... недоеденную порцию? Пожалуйста.

Повариха обернулась. Её глаза расширились. Она узнала меня. Она ткнула в телефон на разделочном столе. На экране была моя фотография с заголовком «Буйная студентка напала на дочь ректора».

— Вали отсюда! — рявкнула она, хватая шланг для мытья полов. — Мне тут полиция не нужна!

Струя ледяной воды ударила мне в лицо. Я закашлялась, поскользнулась и упала на колени прямо в жирную лужу. Запах хлорки смешался с запахом моего унижения.

— Убирайся! — кричала она, брызгая дальше.

Я выползла во двор, мокрая до нитки, дрожащая, с липкими волосами, прилипшими к щекам. В голове крутилась моя жалкая просьба о недоеденной порции. Теперь повариха могла пересказать и её. Я выжала рукав над асфальтом; вода текла по пальцам, а живот снова свело. Как оказалось, вымыть человека из кухни гораздо проще, чем пол.

Во двор я вышла, спотыкаясь о собственные шнурки. Куртка прилипла к спине, из волос по скуле текло, во рту стоял привкус хлорки и грязной воды. Хотелось съесть что-нибудь горячее, свернуться в сухое и проспать. Вместо этого я осталась стоять посреди двора: идти было некуда, а прятаться — не от кого.

Дождь начал моросить, холодный и противный. Я стояла посреди двора, капая водой на асфальт, когда заметила фигуру у окна второго этажа административного корпуса.

Марк.

Он смотрел на меня. Не с яростью. Не с триумфом. Он смотрел с той же пустой вежливостью, с какой наблюдают за мухой, бьющейся о стекло.

Его рука поднялась. Лёгкий жест. Будто смахнул соринку с рукава пиджака. И он отвернулся.

Через минуту из двери вышел молодой человек в очках — его помощник. В руках конверт.

— Чтобы больше не было неприятностей с Вероникой, — сказал он механически, протягивая бумагу. — Там ровно на билет домой. И просьба не возвращаться.

В конверте не было даже приличной тяжести. Билет — и всё, уберите декорацию со сцены. Я представила, как стою на пороге дома с рюкзаком, а мама считает месяцы до моего возвращения: не доучилась, не дотерпела. Потом соседи спросят, где я теперь выступаю. На кухне, тётя Люда. Для чайника.

Я взяла конверт. Пальцы дрожали. Внутри лежали купюры. Цена моего отъезда. Значит, тишина после меня столько и стояла.

— Нет, — сказала я.

— Простите?

Я разорвала конверт пополам. Потом ещё раз. И ещё. Бумажные клочки полетели в лицо помощнику, оседая на его дорогом пальто.

— Передай своему хозяину, — голос дрожал, но слова были стальными, — что я не уеду. Я останусь. Даже если придётся спать в парке.

Помощник отшатнулся, испуганно посмотрев на меня. Я развернулась и пошла прочь, оставляя за собой шлейф из мокрых следов и обрывков своего достоинства. Назад за купюрами я не пошла. Хотя теперь даже билет домой пришлось бы покупать самой.

Я бродила по улицам, пока не стемнело окончательно. Сухого места на сегодня мне не светило нигде: подъезды — на кодах, магазины — закрыты, в читальный зал — по студенческому, которого у меня больше не было. Мокрая куртка на ветру стала ледяной коркой, и я поставила себе последнюю цель на этот день: дойти до парка и пересидеть на скамейке до утра.

К ночи я уже не могла согнуть пальцы на лямке рюкзака. До парка ещё надо было дойти, а в цоколе главного здания обнаружилась незапертая подсобка уборщиц. Я задержалась в дверях. Здесь меня могли опять выгнать; зато изнутри тянуло теплом.

Внутри пахло химией и сыростью. Старая вахтерша, седая и сгорбленная, сидела на табурете, вялая от усталости. Она увидела меня — мокрую, дрожащую, с глазами загнанного зверя — и ничего не спросила. Просто молча налила чай из термоса в пластиковый стаканчик и протянула плед, пахнувший нафталином.

Горячий чай обжёг язык, но согрел душу. Впервые за весь день я почувствовала, что жива.

Но идиллия длилась недолго. Дверь распахнулась. Главный администратор, крупный мужчина с одышкой, шагнул внутрь. Его взгляд скользнул по мне, потом по вахтерше.

— Что это за бродяжка? — прорычал он. — Бабушка, ты нарушаешь технику безопасности. Если не сдашь её охранникам, завтра будешь искать работу.

Вахтерша побледнела, но промолчала.

Я встала. Колени подогнулись, но я выпрямила спину.

— Не надо её увольнять, — сказала я спокойно. Администратор уставился на меня, ожидая мольбы.

— Я предлагаю сделку, — продолжила я, глядя ему прямо в глаза. — Я буду работать ночной уборщицей. Бесплатно. Первый месяц. В обмен на место в кладовке и еду. Вы сэкономите на зарплатах, а я получу крышу.

Он фыркнул. Потом засмеялся — коротко, зло.

— Элитная дурочка решила поиграть в прислугу? Хорошо. Пусть будет тебе наука. Место в кладовке есть. Еду будешь собирать с помойки кухни, если повара не прогонят. Но если хоть одна вещь пропадет... полиция будет здесь через пять минут.

Он бросил на стол пропуск с надписью «Клининг».

— У вахты отметишься. Доступ — только на смену. И вещи убери, чтобы их никто не видел.

Он развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Вахтерша посмотрела на меня с жалостью.

— Зачем тебе это, девочка?

Я села на пол, натягивая плед до подбородка. Под пледом перестали стучать зубы. Я всё ещё не верила, что администратор согласился: ждала его шагов за дверью, добавочного условия, нового «вон».

— Чтобы победить дракона, нужно стать его тенью, — прошептала я.

Он называл меня прислугой, зато больше не гнал к двери. Плед оставался на моих плечах. В холл меня теперь пустят со шваброй. В гримёрки — с тряпкой. Они будут говорить при мне, как при ведре. Придётся научиться это выдерживать; зато слух у ведра будет отличный.

Утром я взяла в руки швабру. Древко было шершавым, пахло хлоркой и грязной водой. Я подошла к зеркалу в углу кладовки.

На щеке свежая ссадина. Волосы слиплись. Глаза пустые, как дно колодца. Но губы... Губы складывались в кривую, опасную усмешку.

Сегодня я буду мыть полы там, где вчера стояла на сцене. Там, где они смеялись над моей болью.

Я запомню каждый шаг каждого, кто пройдёт мимо.

И однажды они будут смотреть на меня снизу вверх.

Хлорка оставалась во рту даже после воды. Я облизывала губы, надеясь смыть привкус, и становилось только хуже. На вчерашнем чае вахтёрши он ещё не чувствовался; теперь я понимала, почему уборщицы ставят кружки подальше от вёдер.

Перчатки на складе нашлись только порванные; администратор велел зайти за новыми завтра. Я держала швабру обеими руками, чувствуя, как деревянные волокна впиваются в ладони. Главный холл Академии искусств был огромен, с мраморными полами, которые блестели так, будто их только что отполировали ангелы. И я должна была сделать их такими же чистыми, пока мимо текла река студентов в модных пальто и кроссовках. Они смеялись. Громко, беспечно, звонко. Смех, который раньше резал мне уши, теперь стал фоном для моего унижения.

— Ой, смотри, «Золушка» в фартуке! — крикнул кто-то из толпы парней.

Раздался хохот. Кто-то специально наступил на участок пола, который я только что вытерла до зеркального блеска. След грязного ботинка остался прямо перед моими ногами. Чёрная полоса на белом камне.

Пульс загудел в висках, отдавая болью за глазами. Руки затряслись. Мне хотелось закричать, бросить швабру им в лицо, сказать: «Вы все ничтожества, а я талант!» Но я знала, что если сорвусь сейчас, меня вышвырнут окончательно: и с работы, и из города, без права возврата.

Я навалилась на швабру. Чёрная полоса поддалась не сразу: резина въелась в камень, пришлось тереть с нажимом. Смешки ещё доносились, а я следила за краем следа — вот он стал

короче, вот расплылся. Хотелось ответить так, чтобы они подавились. Но завтра мне нужно было спать в той же кладовке. Я прошла по месту ещё раз. Смотрите сколько хотите. Пока я стирала ботинок с пола, они хотя бы не могли стереть меня отсюда.

Глава 3

Когда я подняла голову, чтобы проверить результат, в поле зрения появилась Вероника.

Она вышла из гримерки с чашкой кофе в одной руке и телефоном в другой. Идеальная блондинка, светящаяся здоровьем и уверенностью в своей неприкосновенности. Она не прошла мимо. Она остановилась напротив ведра с мутной водой, которое стояло у моей ноги.

Вероника демонстративно поставила носок туфли на край ведра. Балансируя, она «случайно» разжала пальцы. Телефон с глухим стуком упал в грязную воду. Ведро качнулось под её туфель, и через край плеснуло на пол.

— Ой, прости, Алиса, — её голос прозвучал сладко, как испорченный сахар, и достаточно громко, чтобы слышали все, кто был в коридоре. — Я совсем забыла, что ты теперь тут... убираешь за нами? У тебя такие ловкие руки. Может, достанешь?

Кто-то перестал идти, кто-то засмеялся. Мне уже мерещились телефоны, направленные на ведро: удобный кадр, лицо и руки в грязной воде. Вероника не отводила взгляда. После кофе у неё был повод рассчитывать, что я снова брошусь на неё.

Я посмотрела на Веронику. Потом на ведро. Медленно присела на корточки, опустившись в холодную лужу воды, которая тут же пропитала мои брюки. Я засунула руку в муть. Холод обжег кожу, но я не отдернула её. Я нащупала телефон, вытащила его, стряхнула капли и достала из кармана фартука сухую салфетку. Протерла экран. Экран ожил, показывая время.

Я встала. Капли стекали с моих рук на пол, смешиваясь с хлоркой. Я протянула телефон Веронике, стараясь не смотреть на свои покрасневшие пальцы.

— Экран работает, — мой голос прозвучал ровно, без интонаций. — Можете пользоваться.

Вероника взяла телефон, удивлённо моргнув. Я сжала пальцы в кулак, пряча дрожь. Она погладила экран большим пальцем. Улыбка ещё держалась, а следующая реплика не приходила. Вот эту паузу я бы оставила в номере. И подождала чуть дольше. Я молчала, пока она убирала телефон, — впервые торопиться пришлось ей.

В этот момент в конце коридора появился Марк.

Он шёл неспешно, заложив руки в карманы куртки. Его взгляд скользнул по нам, но задержался на мне. Не на Веронике, а именно на мне. На мокрой форме, на красных руках, на влажном полу. Он подошёл ближе, нависая надо мной своим высоким ростом. Я почувствовала запах его дорогого одеколона — сандал и табак, смесь роскоши и опасности.

— Ты выглядишь жалко, Алиса, — бросил он холодно, даже не глядя в сторону Вероники. Его глаза, тёмные и непроницаемые, буравили меня. — Но хотя бы чисто.

И он развернулся, уходя прочь, оставив после себя вакуум.

«Жалко». Ему хватило одного слова, чтобы отнять у меня удачную паузу Вероники. Я посмотрела на мокрые колени, потом на место, где Марк только что стоял. Правда, Алиса: выглядишь ужасно. Но телефон я отдала, на Веронику не бросилась, работу не потеряла. Он мог называть это как угодно. Мне нужно было сохранить хотя бы этот маленький счёт в свою пользу.

Моя смена длилась ещё три часа. К вечеру спина гудела, а ноги стали ватными. Когда объявили перерыв, я юркнула в кладовку с швабрами, где пахло плесенью и старой пылью. Это было единственное место, где никто не искал меня.

Я села на пол, прислонившись спиной к полкам, и достала из сумки бутерброд. Хлеб был черствым, колбаса дешевой. Я откусила кусок, и вдруг услышала тихий щелчок двери.

Игорь.

Он стоял в дверях, держа в руках гитарный кейс. Тихий, незаметный Игорь, который всегда прятался за пультом звукооператора. Он не спросил: «Как ты?» или «Что случилось?». Он просто вошёл, закрыл дверь и опустил гитарный кейс у порога.

Игорь сел рядом, скрестив ноги, — так близко, что в тесной кладовке стало трудно выпрямить ноги. Он не потянулся отнять бутерброд или переставить моё ведро. Только достал влажную салфетку и протянул мне. Я смотрела на упаковку дольше, чем требовалось, чтобы её взять.

— Вытри руки, — тихо сказал он.

Я посмотрела на свои ладони, покрытые белыми разводами от химии. Взяла салфетку.

— Твои номера были смешными, — произнёс Игорь, глядя на стену напротив. — А эта ситуация — нет.

И всё. Никаких советов. Никакого «не расстраивайся». Просто констатация реальности.

Бутерброд пришлось отложить. Я попробовала сказать «спасибо» и вместо этого всхлинула. Стыдно — из-за двух слов расклеиться перед человеком, который даже не задаёт вопросов. Я вытерла нос тыльной стороной ладони. Он ведь помнил мои номера. Не фотографию с чужой подписью, не швабру — то, что я сама придумала.

— Я ненавижу запах хлорки, — прошептала я, прижимая салфетку к лицу. — Он въедается в память. Каждый раз, когда я его чувствую, я помню, как они смеялись. Как я стою здесь, вместо того чтобы стоять там, на сцене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.